

И. А. БУНИНЪ

ПѢТУХЪ НА ЦЕРКОВНОМЪ КРЕСТѢ

Плыветь, течеть, бѣжитъ ладьей
И какъ высоко надъ землею!
Назадъ идетъ весь небосводъ,
А онъ впередъ — и все поеть.

Поеть о томъ, что мы живемъ,
Что мы умремъ, что день за днемъ
Идутъ года, текутъ вѣка —
Вотъ какъ рѣка, какъ облака.

Поеть о томъ, что все обманъ,
Что лишъ на мигъ судьбою данъ
И отчій домъ, и милый другъ,
И кругъ дѣтей, и внуковъ кругъ.

Поеть о томъ, что держитъ бѣгъ
Въ чудесный край его ковчегъ,
Что вѣченъ только мертвыхъ сонъ
Да Божій храмъ, да крестъ, да онъ.

СИРИУСЪ

Гдѣ ты, звѣзда моя завѣтная,
Вѣнецъ небесной красоты?
Очарованье безотвѣтное
Снѣговъ и лунной высоты?

Гдѣ вы, скитанія полночныя
Въ равнинахъ свѣтлыхъ и нагихъ,
Надежды, думы непорочныя
И радость вымысловъ моихъ?

Пылай, играй стоцвѣтной силою,
Неугасимая звѣзда,
Надъ дальнею моею могилою,
Забытой Богомъ навсегда!

ВЕНЕЦІЯ

Колоколовъ средневѣковый
Пѣвучій зовъ, печаль времянь,
И счастье жизни вѣчно новой,
И о быломъ счастливый сонъ,

И чья-то кротость, всепрощенье,
И утѣшенье: все пройдетъ!
И золотыя отраженья
Дворцовъ въ лазурномъ глянцѣ водъ,

И дымка млечнаго опала,
И солнце, смѣшанное съ нимъ,
И встрѣчной взоръ, и опахало,
И ожерелье изъ коралла,
Подъ катафалкомъ водянымъ.

ВСТРѢЧА

Ты на плечъ, рукою обнаженной,
Отъ зноя темной и худой,
Несешь кувшинъ изъ глины обожженной,
Наполненный тяжелою водой.
Съ нагихъ холмовъ, гдѣ стелятся сухіе
Сѣдые злаки и польниъ,
Глядишь въ просторъ пустынной Куманіи,
Въ морскую вечерѣющую синь,
Все та же ты, какъ въ сказочные годы!
Все тѣ же губы, тотъ же взглядъ,
Исполненный и рабства и свободы,
Умершій на землѣ уже стократъ,
Все тотъ же зной и дикій запахъ лука
Въ тѣлесномъ запахѣ твоємъ,
И та же мучить сладостная мука, —
Безплодное томленіе о немъ.
Черезъ вѣка найду въ пустой могилѣ
Твой крестъ серебряный, и вновь,
Вновь оживетъ мечта о древней были,
Моя неутоленная любовь,

И будетъ вновь въ морской вечерней сини,
Въ ея задумчивой дали,
Все тотъ же зовъ, печаль времянь, пустыни,
И красота полуденной земли.

ДОЧЬ

Все снится: дочь есть у меня,
И вотъ я, съ нѣжностью, съ тоской,
Дождался радостнаго дня,
Когда ее къ вѣнцу убрали,
И самъ, неловкою рукой,
Поправилъ газъ ея вуали.
Глядѣть на чистое чело,
На робкій блескъ невинныхъ глазъ
Мнѣ почему-то тяжело,
Но все жъ блѣднѣю я отъ счастья,
Крестя ее въ послѣдній часъ
На это женское причастье.
Что снится мнѣ потомъ? Потомъ
Она ужъ съ *нимъ*, — какъ страшенъ онъ! —
Потомъ мой опустѣвшій домъ —
И чувствомъ молодости странной,
Какъ будто послѣ похоронъ,
Кончается мой сонъ туманный.

ДЕНЬ ПАМЯТИ ПЕТРА

«Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія. . .»

О, если бь узы гробовыя
Хоть на единый мигъ земной
Поэтъ и Царь расторгли нынѣ!
Гдѣ Градъ Петра? И чьей рукой
Его краса, его твердыни
И алтари разорены?

Хлябь, хаосъ, — царство Сатаны,
Губящаго слѣпой стихіей.
И вотъ дохнулъ онъ надъ Россіей,
Возсталъ на Божій строй и ладъ —
И скрылъ пучиной окаянной
Великій и священный Градъ,
Петромъ и Пушкинымъ созданный.

И все-жъ придетъ, придетъ пора
И воскресенья и дѣянья,
Прозрѣнія и покаянья,
Россія! Помни-же Петра.
Петръ значить Камень. Сынъ Господній
На Камени созиждетъ храмъ
И скажетъ: «Лишь Петру я дамъ
Владычество надъ преисподней». . .